

ствие противника при этом и далее объясняется традиционными мотивами религиозной вражды. Притеснения турок как бы вынуждают казаков к сопротивлению и овладению Азовом:

И мы, государь, холопи твои, видев в Российской земли розорение от них, бусурманов, святым божиим церквам и поношение² нашей православной истинной крестьянской вере, и помня свой смертный час, чтоб веру крестьянскую и за тебя, государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, и за единокровных братию свою хотя померети, а их поганых бусурманов под меч подклонити, и Азов город взяти, и в нем утвердити по прежнему наша кресьянская вера, и пошли, государь, мы, холопи твои, под тот град Азов все, утвердившеся сердцами единомышленне и поболев душами своими о нашей крестьянской вере, и его осодили опреля в 21 день.

И толикыя быша грубости¹ московского государства людям и иным многим землям и поношение православной вере от них, поганых бусурманов (52). И тот атаман Михайло Иванов со всем великим Донским Войским подумав твердо и непоколебимо, утвердишася сердцами своими во единой мысли... чтобы милостию божиею и пречистые богородицы молением и помощию... и великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси счастием... Азов град олнолично взяти и всем утвердити по прежнему истинная наша православная христианская вера словенского языка, а живущих в нем поганского языка бусурманския веры под меч подклонити (54).

Месяца апреля в 21 день в пятницу Азов осадили (55).

Такое своеобразное изложение документа, отличающееся явными признаками „литературности“ той эпохи (даже использование традиционной формулы „под меч подклонить“), имело своей целью не столько, конечно, сообщить деловые данные, сколько идеализировать до предела и выставить в самом благоприятном свете то благочестивое настроение казачества, которое будто бы и определяло все его действия. Повесть разделяет такую оценку действий казачества и потому для мотивировки его „единомышленных“ решений повторяет украшенную фразеологию отписки. Общая у авторов отписки и повести культура деловой речи создает и здесь и дальше сходство и в самом способе передачи фактического содержания („украинные города“, „продавали на катарги“, „утвердившеся сердцами единомышленне“ и т. д.).

Далее составитель отписки подходит к весьма трудному и щекотливому вопросу: нужно докладывать о казни турецкого посла Фомы Кантакузена, который направлялся от имени султана к царю Михаилу Федоровичу.³

Начинает об этом отписка очень издали, причем привлекает в оправдание казаков на первых порах такие чисто бытовые мотивы, которые никак не отвечают серьезности этого официального объяснения:

¹ Ср. в другой отписке: „И ныне указал ты, государь, за многие грубости и неправды крымского царя и за многие разоренья Московскому государству итти на Крым войною...“ (Донские дела, кв. 2-я, стлб. 898. Русск. ист. библ., т. XXIV).

² В тексте отписки ошибка: „попрашение“.

³ См. подробно: Н. А. Смирнов, ук., соч., т. II, стр. 45—54.